

Хотя вчера между ним и Чжан Лаоши произошла небольшая стычка, зато, к счастью, они всё обсудили и прояснили.

Цун Цзиньюэ был на редкость в хорошем расположении духа, после ночного сна весь будто засветился, кожа сияла, настроение — как погода сегодня: светлое и ясное.

Стоя в ванной перед зеркалом, он уложил волосы, а потом даже прихотливо прикрепил модную сегодня серебристую заколку-одноточку OOTD. Только после этого лениво поплёлся вниз.

Остальные в вилле из-за того, что площадку для утренней игры нужно было оборудовать, а помочь они там всё равно особо не могли, — снова шумно рубились в «Чжу Лин».

Цун Цзиньюэ сразу раскусил их:

«Вообще-то вы, если бы захотели, могли бы и помочь...»

Ребята моментально включили актёрское мастерство, начали корчить дурачков, притворяться, как будто ничего не слышат и ничего не понимают, и кое-как замылили тему.

Цун Цзиньюэ и Цзи Шинянь только что закончили партию и их тут же согнали со стола — мол, играют как с читами. И отправили обслуживать новичков — наливать сок.

Цун Цзиньюэ обслуживать никого не собирался, поэтому ушёл к входной двери виллы. Через дверной проём он видел, как сотрудники съёмочной группы под усиливающейся жарой сновали туда-сюда, перетаскивая оборудование и подготавливая площадку на послеобеденную игру. Он хотел было подойти и поглазеть.

В вилле стояла дорогушая система «пяти постоянств», температура и влажность были настроены до идеала. Цун Цзиньюэ, глядя на потных работников, цокнул языком и покачал головой: ну да, всем тяжко.

И правда, стоит тебе только захотеть поработать — и найдётся бесконечная работа. Стоило открыть дверь — жар парашютом ударил в лицо. Желание выходить на улицу у него тут же отпало.

Один из работников внёс огромную охапку деталей, похожих на элементы мини-трассы для игрушечных машинок. Ему на пути стоял скучающий Цун Цзиньюэ, первое время работник ещё говорил вежливо:

«Эй, учитель Цун!»

со второго раза уже без церемоний:

«Учитель Цун, вы проход закрываете, подвиньтесь, пожалуйста».

Цун Цзиньюэ потер нос.

Ну ладно... когда ты ничего не делаешь — ты всем мешаешь.

Он молча отошёл обратно в гостиную и вместе с Цзи Шинянем завалился на диван смотреть юридическую передачу.

Снова какая-то мини-игра от Хэ-дао.

Цун Цзиньюэ прикинул: в последнее время все игры — свободная разбивка на пары. А когда всё свободное, и думать не нужно — по-любому снова окажется с маленьким Чжаном в команде.

Ну и пусть. Вчера нормально поговорили, сегодня наконец можно показать себя и не быть «холопом».

Игра: «Двойной лабиринт с шариком»

Правила:

Поле — три огромных роскошных пинбольных стола, со множеством дорожек и механизмов. Внутри лабиринта — препятствия, а финиш — маленькое отверстие.

Инвентарь — один металлический шарик.

Цель — в паре, каждый держит свою ручку управления наклоном поля, провести шарик к финишу за минимальное время.

Ловушки — липкие зоны и ямки, куда если шарик упадёт — сразу штраф по времени и шарик нужно доставать вручную.

Три пары начинают одновременно.

Цун Цзиньюэ и Чжан Хуайсюй как будто по сигналу включили спокойный, мирный режим сотрудничества.

Сидели рядом на низких табуретках; вначале немного сковано, но из-за сложности лабиринта требовалось постоянно обсуждать, куда наклонять, как вести шарик. Постепенно они наклонились так близко друг к другу, что головы почти соприкасались.

— «Чуть левее... держи...»

— «Здесь нужно вниз немного?»

— «Угу», — Чжан корректировал ручку.

— «Осторожно, справа ямка».

— «Вижу. Веду чуть влево-вверх...»

Рука Цун Цзиньюэ, из-за позиции, не знала куда деваться. И когда он полностью погрузился в игру, не заметил, как обнял Чжана за спину — просто протянул руку, чтобы упереться в стойку пинбольного стола.

Со стороны казалось, будто он нежно приобнял Чжана за плечи, их головы почти соприкасались, играли так тесно, будто в каком-то странно-интимном тандеме. Картина странная, но гармоничная.

Хэ-дао сразу чуял такие вещи: засиял, позвал оператора снимать поближе.

Шарик, поначалу, шёл неплохо. Они ловко обошли все ловушки.

В какой-то момент Чжан почувствовал руку Цун Цзиньюэ, и тело его едва заметно напряглось.

Он молча скосил взгляд на профиль партнёра. Эта яркая серебристая заколка в тёмных волосах, вместо того чтобы выглядеть женственно, добавляла ему дерзкого очарования.

При солнечном свете почти ненакрашенная кожа сияла. Высокая переносица, чёткая линия челюсти. Наверное, он слишком много говорил — он машинально провёл кончиком языка по слегка пересохшей нижней губе.

Мелькнула сочная краснота.

У Чжана внезапно пересохло во рту. Он тихо кашлянул — почти шёпотом, Цун не услышал. Пришлось вернуть внимание на траекторию.

Но удача закончилась. Шарик вошёл в S-образный поворот — сложность резко выросла.

— «Медленнее. Тут нужна максимальная точность, буквально по миллиметру скользить», — Чжан похлопал его по тыльной стороне ладони, напряжённо следя за шариком.

Но Цун считал иначе — что нужен небольшой разгон, чтобы шарик «взял» поворот. Он чуть усилил наклон:

— «Так?»

— «Нет! Слишком резко!» — Чжан сразу понял, что траектория идёт не туда, голос у него стал жёстким.

— «Ослабь!»

— «Мне кажется, так он пройдёт!»

Цун повернул голову, посмотрел на него. Чжан был полностью сосредоточен, брови от напряжения сошлись.

Но Цун нельзя было запугать внешностью — он упрямо стоял на своём.

— «Делай, что я говорю! Быстрее ослабь!» — Чжан сорвался, поторопил его и снова уткнулся в поле.

Из-за разницы в понимании силы и времени — баланс рухнул.

Шарик резко ускорился, кувыркался по стенкам, хлестнул о перегородку — и «плюх» — угодил в липкую ловушку.

Минус 15 секунд.

Мирная атмосфера мгновенно испарилась.

— «Тц!» — Чжан уставился на застрявший шарик, ярость поднялась моментально. Он повернулся и зарычал почти вплотную к Цуну:

«Ты глухой? Я сказал — МЯГЧЕ. Ты не понял? Или опять специально?!»

Цун взорвался: его же обвиняют, хоть он старался:

«Это ты глухой! Я добавил совсем чуть-чуть! Это ты не успел подстроиться и всё испортил!»

Только и умеешь командовать!»

«Я командую? Да без моих команд ты уже несколько раз бы упал в ямы! Ты вообще мозг включаешь, когда играешь? Ты просто берёшь и прет!» — Чжан аж посинел со злости.

«Опять переходишь на личности? Даже если бы шарик упал, он всё равно мог попасть в яму!»

«Я sdhjs...» (захлёбывается от злости)

«А ты jxbz...» (ещё злее)

Скандал перекрыл шум остальных игроков. Все обернулись.

Хэ-дао за камерой сиял, как на урожае:

Громче! Это же золото, золото!

Через минуту, перегорев, оба одновременно смолкли — дальше бы точно заняли последнее место. Лучше потерпеть. Осенью, как говорится, рассчитаемся.

В итоге — еле взяли второе место.

Радости ноль.

Ночь. Мягкий тёплый лунный свет.

Цун Цзиньюэ лежал на шезлонге на балконе, глядя в редкие звёзды. Был весь раздражённый.

Он считал, что не виноват.

Это Чжан слишком жёсткий, медленный, и переложил вину.

И что бесило особенно — он снова заставил Цуна ждать двадцать минут! Ещё две — и он бы точно не стал первым заговорить! Пусть посмотрит, кто кого пересидит!

Дверь балкона 203-й комнаты резко открылась.

Чжан вышел быстрым шагом. Не сел. Встал прямо возле шезлонга, глядя сверху вниз.

Все слова, что Цун приговаривал, застряли. Он отвернулся, всё ещё сердитый — дыхание неровное. Но в глазах — помимо злости — тревога, загнанность... и даже обида?

Чжан сразу сбавил тон:

«Цун Цзиньюэ... Ты вообще понимаешь, что такое сотрудничество? Что такое вести?»

Цун ошарашенно повернул голову:

«В смысле? Ты что, хочешь снова поднять дневную ссору?»

«Ссору?» — Чжан холодно усмехнулся.

«То, что ты делал днём — это ты называешь сотрудничеством? Ведением? Ты всё решил сам. Ты спросил мое мнение? Ты видел во мне напарника или своего подчинённого? Даже у подчинённого есть право высказать мнение!»

Цун вспыхнул:

«Если я веду — значит я принимаю решения! В чём проблема? Шанс был секундный — если ждать, пока ты обсудишь, уже всё поздно! Это ты реагируешь медленно, не успеваешь, а тут я виноват?!»

«Когда я говорил 'по очереди вести', я имел в виду — по очереди берём на себя ответственность за решения и коммуникацию! Это не значит, что ты в своё 'веду' превращаешь меня в воздух! У нас не соло-игра!»

Цун замер. Только сейчас до него дошло, что они вообще по-разному понимали слово «вести».

У него:

вести = абсолютная власть

У Чжана:

вести = ответственность за общение и решение, но всё равно вдвоём

Цун слегка растерялся:

«...То есть ты хочешь сказать, даже если я веду, я всё равно должен с тобой консультироваться?»

Чжан отрезал:

«Разумеется. Не консультация — тогда это не сотрудничество. Ты один бы прошёл?»

Ну да.

Но после такой головомойки — Цуну было неприятно. Да и двадцатиминутная «заморозка» всё ещё сидела в памяти. Он набылся:

«...Ладно. Пусть я не так понял. Но и ты хорош! Где эффективность? Пока ты обсуждаешь, шарик уже улетит. В тот S-поворот, если бы ты чуть быстрее уловил моё движение, мы бы прошли, а не в яму упали!»

Он раскочегарился, вспомнил всё подряд:

«И вообще! Можешь перестать... что я... что ты... ты считаешь... а-а?!»

Чжан не выдержал его бормотание, похожее на мух в ухе:

«Ты медленный», «Не морозь меня», «Ещё раз так — уйду с проекта, играй с привидениями» — всё в одной каше.

Переспорить такого упёртого — невозможно. Голова разболелась.

— «Хватит. Закрой рот!»

И прежде чем он понял, что делает — рука сама поднялась и схватила его лицо, зажав обе пухлые щеки.

Тишина упала мгновенно.

Цун распахнул свои красивые глаза. Он был потрясён. Чувствовал на коже холодноватую ладонь, крепко сжимающую его лицо.

Он дёрнулся, издав приглушённый стон:

«...Ты... что... делаешь?..»

Тёплое дыхание Цуна накрыло ладонь Чжана, прошило её будто током — по руке до самого запястья.

Чжан покраснел мгновенно. Лицо горело будто его поднесли к огню. И самое ужасное — в отражении глаз Цуна он видел, что натворил.

Чёрт... Он и сам не понял, что творит. Просто слишком шумно... и тело само...

Он резко отдёрнул руку.

На ладони осталась тёплая, влажная чувствительность — пальцы немели. Он сжал их, не зная куда деть глаза. Лицо — красное, как кровь.

«...Ты слишком шумный. Я устал. Пойду спать. Пока.»

Сказал как попало, бессвязно, и почти убежал обратно к себе.

На балконе остался только Цун Цзиньюэ, всё ещё лежащий в той же позе, с приоткрытым ртом от шока.

Ветерок прошёлся. Он медленно поднял руку и коснулся того места, где его только что держали — и прикосновение было совсем другим, чем от руки Чжана.

«...Чёрт», — наконец хрипло сказал он.

Сперва он думал — что за бред? Что это вообще за «физическое отключение звука»? Какая инфантильность?

Но затем — странный, нечестный, тревожно-приятный укол пробежал по позвоночнику. Он раздражённо взъерошил волосы.

«Псих...»

Пробормотав, он поднялся и поплёлся умываться, в голове была каша.

В тени за дверью балкона тихо выглянул оператор, который снимал их вчера. Половина головы видна — и на лице счастливая улыбка урожайного дня.

Он аккуратно похлопал камеру у груди, и лёгкой походкой исчез.

Скрывая заслуги и уходя довольным.